

Реакция Вайолет была минимальной.

Затем он достал плюшевую кошку с полосками тигра. Наконец, он вынул плюшевую собаку.

Выстроив их троих, он заставил их поклониться: «Привет!»

Ее реакция все еще была унылой.

"Разве это ... не хорошо??"

"Что это?"

«Ты против этих подарков?»

Большие глаза Вайолет моргнули. Ее золотые ресницы покачивались. «Для меня...?» Она действительно сомневалась. «Почему для меня?» Снова спросила Вайолет, добавив еще одно слово.

«Поскольку ты получила травмы и была госпитализирована, получение подарков во время визитов является очевидным. Видимо, ты никогда не была госпитализирована раньше. Это мои чувства... типа «выздоровлявай скорее». Твои вещи ... пропали без вести в послевоенной суматохе. У тебя ничего нет. Вот почему, чтобы в комнате не было одиноко... » в эту секунду тело Ходжинса резко вздрогнуло.

Это потому, что Вайолет испустила вздох похожий на сдавленный крик.

«С-с тобой все в порядке, Маленькая Вайолет?»

«Брошь...»

«Маленькая Вайолет?»

«Моя брошь ... моя изумрудная брошь ... майор дал мне. Если это потеряно, я должна искать это. Это было дано мне! .. ». Вайолет резко двинула шею с всей силой пытаясь встать.

Ходжинс отчаянно двинулся, останавливая ее. Тем не менее, не было никаких проблем, даже без его сдерживания. Вайолет вообще не могла встать.

«Почему? Почему...?»

Не было никакого способа, чтобы кто-то, кто был в коме в течение нескольких месяцев, и, кроме того, с отвалившимися верхними конечностями замененными на искусственные, мог немедленно начать ходить вокруг. Ее протезы скрипели.

Он держал ее за плечи, когда она, казалось, собиралась рухнуть. Со стороны это выглядело будто он её сильно прижимал к земле.

— Будьте ко мне снисходительны.

Внутренний джентльмен Ходжинса не мог простить манеру, с которой он давил на ослабленную из-за потери рук девушку-солдата, которую доверил ему его лучший друг.

«Всё в порядке, пока это изумруд? Я куплю другой, чтобы заменить его, хорошо?»

Вайолет слегка покачала головой. «Нет ... замены нет». Она закрыла глаза, словно подавляя что-то.

Ходжинс пришел к выводу, что это был чрезвычайно важный пункт. "Я понимаю. Я выкуплю его, так что будь спокойна, Маленькая Вайолет », - заявил он, не задумываясь.

«Вы можете это сделать?». Соппротивление Вайолет мгновенно прекратилось.

Без промедления Ходжинс хвастливо улыбнулся и кивнул: «Вероятно. Я думаю, оно ушло на черный рынок. Я попытаюсь связаться со знакомым продавцом. Пожалуйста, не думай никуда уходить отсюда в этом состоянии. До тех пор ты не могла бы вынести потерю с помощью них? Мягкие игрушки и броши ... это совершенно разные вещи, но ... разве они не милые? Они точно такие же, какие были и у меня в прошлом. Маленькая Вайолет, ты бы предпочла плюшевых кроликов или медведей?».

«Не знаю.».

«Какой из них самый симпатичный? Если бы несмотря ни на что тебе пришлось бы выбирать, скажи мне, какой бы ты выбрала?».

Она, конечно, никогда не задавалась таким вопросом ранее. Вайолет молча смотрела на плюшки справа налево.

«Что если условие состоит в том, что мир закончится, если ты не ответишь? Хорошо, три, два, один! Ответ!?».

«Ни каких шансов... собака ... может быть?»

«Микки, верно?! Ах, Микки - это имя собаки, которая когда-то была у меня. Тогда я оставляю его прямо рядом с тобой. Разве это не здорово, Микки? Тебя выбрали.». Ходжинс положил чучело, которое он назвал Микки, к лицу Вайолет. Он массировал собственную грудь, наблюдая, как она наконец успокоилась. Холодный пот прошёл по его спине.

Вначале Вайолет, казалось, не интересовалась, но в конце концов подвинула голову к мягкой игрушке и коснулась ее своим лицом.

Небрежно посмотрев на нее, Ходжинс сказал:

«Маленькая Вайолет. Здесь слишком много людей, поэтому, если освободится отдельная комната, должен ли я перевезти тебя? Формальности уже разобраны. Прошло несколько месяцев с той последней битвы. Вначале в лазарете также было много людей, и не хватало кроватей. Но теперь число людей, наконец, уменьшилось ... хотя это было просто из-за того, что большинство из тех, кого привезли сюда, умерли ... вот почему ... кажется, что будут свободные комнаты. Когда это произойдет, их тоже можно положить туда... »

Была ли мягкая игрушка чем-то редким для нее? Возможно, потому что оно было приятным, хотя и слабым, Вайолет закрыла глаза и потерла нос о живот. Она только что проснулась, поэтому она еще не могла пошевелить свое неподготовленное протезирование. Она могла только коснуться игрушку своей головой. Как только она толкнула его слишком сильно, и он переместился, она взмахнула шеей и снова приземлилась щекой на нее.

«А также...» При виде всего происходящего, то, что хотел сказать Ходжинс, было стерто из его разума. «Эээ ...»

Ее действия были невероятно естественными.

«Весело ли ... дотрагиваться до этого плюша?»

«Я не понимаю, «весело». Однако я знаю, что хочу продолжать прикасаться к ней». Возможно, из-за того, что ее беспокойство и нервозность утихли, ее тон был мягче, чем раньше. Она вежливо поблагодарила его, когда он неподвижно держал плюша, который снова отделялся от ее носа.

— Она была... подобным ребенком?

Чувство, непохожее на то, что было в Ходжинсе до сих пор, начало прорастать в уголке его сердца. Это был не страх, неудобство или желание контролировать. Это было что-то более теплое.

«Понятно... да, раньше я тоже был таким. Маленькие дети ... ах, нет, я не имею в виду что это плохо, но ... маленькие дети часто делают так. Это не ... как будто о них всегда будут заботиться их родители.»

«Я не знаю своих родителей».

«Ааа, верно...»

Дети прикасались к игрушкам-гуманоидам и животным в поисках утешения. Но это не была настоящая защита от небезопасной и токсичной среды. На самом деле они были всего лишь заменителями. Само детство было заменой укрытию.

— Она была... подобным ребенком, который делает что-то подобное?

Он не мог ничего определить только по ее реакции.

— Нет, разве это не похоже на ... она не может не отставать, не делая ничего подобного? Прямо сейчас она действительно ... одна.

«Хм... о чём мы говорили? Это верно, если есть какие-то другие ... другие ... вещи, которые ты хотела бы, чтобы я сделал, просто скажи это. Гилберт доверил мне тебя. Если тебя что-то беспокоит, я постараюсь решить вопрос как смогу. Так или иначе, вещи, которые я говорю, запутаны, да. Когда ты проснулась, я был ... немного ... шокирован и закончил тем, что слишком много говорил.».

Вайолет коротко ответила: «Большое спасибо».

Ходжинс, который как никто другой умел держать лицо в покер-фейсе, продолжал улыбаться, но под своим улыбающимся фасадом его охватило совершенно другое чувство.

— Понятно, вот значит как?

У него не было много возможностей познакомиться с Вайолет - только в течение нескольких дней после ужасного зрелища, представленного на тренировочных площадках, на котором он впервые увидел Гилберта за долгое время после их продвижения по службе и накануне вечером. Последняя битва.

С тех пор как битва была окончена, он приходил к ней в гости много раз. У Вайолет не было ни родителей, ни братьев и сестер. У нее также не было друзей. Ходжинс всегда был ее

единственным посетителем.

— Даже если я знаю, насколько она сильна и скольких она может убить...

Возможно, он должен дисквалифицировать ее как оружие и положить конец такому безумию.

— Ааах, это ...

Просто пообщавшись с ней и наблюдая за ее движениями, он мог понять.

— Это не хорошо. Это ... я имею в виду ... Гилберт, ты ...

«Майор Ходжинс?».

— Разве она не ... просто молодая девушка?

Ходжинсу казалось, что где-то внутри его сердца мягкое место было выдолблено ложкой. Поскольку она была такой демонической в битве, он забыл об этом. Он закрывал на это глаза. Скорее всего, кто-нибудь из армии Лейденшафтлиха, кто видел ее, тоже сделал это.

«Если это... останется на моей заботе, не сломается ли?»

Вайолет была всего лишь ребенком, который ничего не делал, когда не боролся. Она не была зарегистрирована как личность и воспитывалась, не зная жизни за пределами поля битвы. Она была оружием, наделенным красотой, товаром, активом. Девушке-солдату, которой было разрешено жить в обмен на ее боевые способности, не нужно было ненужных знаний.

Никогда бы не подумалось, что наблюдение за ней в бою вызовет столько страха, что люди не посмеют говорить с ней. Ее внешность, похожая на взрослую, заставляла мужчин чувствовать себя возбужденными, а не отцовскими. С ней вообще не обращались как с ребенком.

— Пока что у меня перед глазами...

«Ты можешь делать всё, что хочешь. Оно теперь твое.»

«Все в порядке.»

Перед глазами Ходжинса была девушка, которую Гилберт Бугенвиль сделал «человеком». Тот, кто учил ее словам и манерам, был сам Гилберт. Делать это во время руководства армейскими войсками в военное время было ужасно сложно. Ходжинс знал о первоначальных обстоятельствах Вайолет.

«Майор Ходжинс, что-то не так?»

«Нет, ничего. Там нет ... чего-нибудь еще?»

Забирая сумки, Ходжинс погрузился в чувство, что все его тело гниет. Он попытался вспомнить, как он относился к Виолетте до сих пор.

— В этот раз я ... поставил на тебя ставку.

Он больше не помнил, что купил с сигаретами, которые заработал. Гилберт упорно отказывался взять свою долю.

— Я думал, что ты, безусловно, согласишься военным.

Как он и предполагал, Вайолет проделала отличную работу. Во время последней битвы она успешно вызвала волнение, которое было ключом его стратегии. Это была лишь одна часть грандиозного достижения, но он не знал других солдат, которые могли бы сказать, что они добились бы того же в такой ситуации. Если бы она не сражалась, число жертв среди их союзников было бы еще больше. И наоборот, было много тех, кто избежал бы смерти без нее там. Она была такого рода существом.

— Я думал ... мы могли бы использовать тебя.

Девушка, которая выжила, убивая мужчин один за другим на этих тренировочных площадках, обещала верность одному Гилберту. Часть Ходжинса считала, что, раз она была монстром, то ей лучше стать хладнокровной куклой-убийцей, которая не могла скрыть свою жестокую натуру.

— Нет такого способа...

Девушка, которую звали Вайолет, заглянула в шторы с несгибаемым ожиданием. Ее фигура была похожа на фигуру цыплёнка, ищущего свою родительскую птицу.

— ... что бы это... было так.

«Маленькая Вайолет, извини».

«По какой причине?».

«Подарки, которые у меня есть, не так хороши. В следующий раз я приготовлю много вещей, чтобы удивить тебя. Раньше ты много путешествовала, поэтому ты не ходила по магазинам в центре города, верно?».

«Только один раз.»

«Это так? Я приложу больше усилий в следующий раз. Надеюсь. Даже если они тебе не нравятся и они бесполезны, было бы здорово, если бы ты выбрасывала их.».

«Я не совсем понимаю, но я не буду этого делать».

«Хорошо, спасибо.».

После этого, хотя разговор не продолжался, Ходжинс оставался с Вайолет до заката. Они едва могли поговорить, потому что Вайолет постоянно засыпала и просыпалась, поскольку она не могла долго оставаться в сознании.

Вечером раздаётся звонок, чтобы сообщить об окончании визитов в больницу. Наряду с этим медсестры стали предлагать посетителям, оставшимся в каждой комнате, уйти. Ходжинс не смог двинуться сразу.

«Майор Ходжинс, период посещения окончен».

«Хм.»

«Разве это нормально, что вы не идёте домой?»

Вначале их разговор не продвигался, и он спешил домой, но теперь он очень хотел остаться с ней. Оставить ее одну в таком состоянии... его мучила совесть. Когда он пронзил свое сердце тем фактом, что такая боль была слишком поздней, то, боль, что он чувствовал была даже больше.

«Медсестра смотрит на меня, так что нет. Думаю, я пойду домой ... ну, говоря об этом, я забыл сказать следующее: я больше не майор. Я ушел из армии.»

«Это так?»

«Да.»

«Что делают солдаты, когда они уходят из армии?»

«Мы можем делать что угодно. В жизни нет только одного пути. В моем случае я предприниматель, пытающийся открыть свой бизнес. Я буду президентом агентства. В следующий раз я расскажу тебе об этом.»

«Хорошо, майор... Ходжинс...» Она определенно не знала, как ей следует относиться к нему.

Ходжинс хихикнул. «Ты можешь называть меня «Президент Ходжинс». У меня пока нет никаких сотрудников, поэтому на меня не ссылаются, и я не могу заставить кого-то так меня называть».

«Президент Ходжинс».

«Это не плохо звучит. Когда Маленькая Вайолет сказала «президент», я почувствовала озноб».

«Вам холодно?»

«Хм... в следующий раз, когда я приду, я расскажу тебе о шутках».

Хотя было лето, Ходжинс поднял одеяло Вайолет до уровня плеч, чтобы ей не было холодно ночью, положив плюшевую собаку рядом с ее лицом еще раз. Она смотрела прямо на него. В отличие от первого раза, когда она сделала это, Ходжинс не смог вынести этого и в итоге отвел взгляд. Он направил его в окно. Пейзаж, который можно было увидеть из окна лазарета, был окрашен в оранжевые оттенки заката.

Границы дневного и ночного переплетения были сценой, которую каждый в конечном итоге созерцал, независимо от того, где они были, сколько времени или что они делали. Облака на небе, море, земля, город, люди; более безумный красный свет залил все вокруг. Даже несмотря на то, что те, кто получил такую благодать, на самом деле не были равны, в этот момент все были однородно покрыты и постепенно охватывались ночью. Когда Ходжинс прокомментировал: «Прекрасно, а?», Вайолет ответила: «Это красиво».

«Ну, тогда», - сказал Ходжинс, вставая со стула.

«Прощайте.»

«Это не «прощание». Я вернусь.»

— Хотя ты... возможно, и не интересуешься мной.

Вопреки своим ожиданиям, он услышал, как Вайолет без выражения прошептала: «Увидимся ...»

Она исправила «прощание» в «Увидимся».

«Да, увидимся, Маленькая Вайолет».

После недолгого молчания, словно глубоко задумавшись, Вайолет слегка кивнула.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4767/740209>